

МАРТЫНОВ
Анатолий Анатольевич

бакалавриат, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия),
tole.martynov@gmail.com

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЛОУХСКОМ РАЙОНЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Научный руководитель:

Волохова Валентина
Владимировна

Рецензент:

Савицкий Иван Владимирович

Статья поступила: 27.05.2024;

Принята к публикации: 28.06.2024;

Размещена в сети: 30.06.2024.

Аннотация. В статье на примере истории памятников Лоухского района рассмотрен первый этап формирования памяти о Великой Отечественной войне, в рамках которого на десятилетия вперед были определены ключевые инструменты и нарративы политики памяти. На основе архивных документов и материалов периодической печати показана решающая роль государства в сохранении памяти о войне. На завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы главное внимание было уделено героическим страницам сопротивления врагу, в центр коммеморативных практик были поставлены места захоронения погибших воинов.

Ключевые слова: Карело-Финская ССР, Кестеньга, мемориальный комплекс, братские захоронения, мнемонические акторы, политика памяти

Для цитирования: Мартынов А. А. Увековечивание памяти героев Великой Отечественной войны в Лоухском районе в послевоенный период // StudArctic Forum. 2024. Т. 9, № 2. С. 62–71.

Тема Великой Отечественной войны стала важной частью мироощущения для миллионов граждан и заняла особое место в истории нашей страны. Память о войне 1941–1945 гг. стала формироваться ещё в годы самой войны, когда определялись ключевые механизмы, инструменты и нарративы политики памяти. Сегодня политологи обращают внимание не только на конкретные действия политиков в материальной среде, но и на очень важное символическое оформление политики. Отдельным аспектом символической политики является «политика памяти»; О.Ю. Малинова предлагает понимать под этим понятием «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры» [Малинова, 2020: 27]. Инструментами поддержания «культурной инфраструктуры» политики памяти могут являться не только книги, учебники по истории, музейные экспозиции, но и памятники. Создание мемориальных объектов является важным компонентом государственной монументальной пропаганды. Отсутствие «единой концепции государственной монументальной политики» может отрицательно сказываться на процессе увековечивания тех или иных событий, и поэтому крайне важно изучить роль памятников в политике памяти [Еремеева: 4]. Действующими игроками (актерами) на поле памяти «могут выступать как группы, так и отдельные индивиды» [Малинова, 2019: 289]. В частности, это органы государственной власти, общественные и религиозные организации, а также отдельные граждане. Положение движущих сил в пространстве памяти зависит прежде всего от их ресурсов и интересов. Каждая группа

мнемонических акторов преследует в целом одни и те же цели: формирование и утверждение определенных представлений о коллективном прошлом.

Исследование темы государственной политики памяти ведется уже не первое десятилетие [Андреев]. Но современные авторы обращают внимание, что изучение регионального уровня политики памяти является ключевым элементом широкого анализа и понимания истории современного общества. Важно не только изучать историю событий глобального характера, но и уделять внимание особенностям развития на региональном или локальном уровне. Роль отдельного региона в истории России особенно видна на примере Великой Отечественной войны, так как «региональные мнемонические акторы играют заметную роль в актуализации памяти» о трудных и трагичных событиях тех лет [Малинова, 2023: 451].

В современной историографии тема монументального увековечивания памяти героев Великой Отечественной войны нашла своё отражение в работах разной тематики. С одной стороны, это исследования государственной политики памяти. В частности, Д.А. Андреев и Г.А. Бордюгов показывают связь процесса сохранения памяти с теми политическими задачами, которые власти решали на каждом этапе истории государства [Андреев]. В коллективной монографии «Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы» история военных памятников вписана в контекст формирования монументального ландшафта России с дореволюционного периода до наших дней [Еремеева]. В продолжение этой темы необходимо также отметить работу Н.А. Конрадовой и А.Н. Рылеевой, посвященную анализу роли создания новых воинских захоронений и мемориалов в складывании памяти о Великой Отечественной войне в разные годы [Конрадова]. Кроме того, Т.Г. Малинина как историк архитектуры задается целью рассмотреть не только проекты памятников и монументов, созданных в годы войны, но и показать связь основных групп мнемонических акторов, задействованных в этом процессе: советская власть, творческие коллективы и военнослужащие [Малинина].

С другой стороны, большой блок исследований посвящён увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне в Карелии. Так, работа Н.А. Кораблева и В.Г. Макурова даёт широкую панораму мемориального пространства Карелии [Кораблев]. В книге содержится описание практически всех памятников и памятных мест на территории республики, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Однако следует заметить, что главная цель авторов заключалась в создании общего перечня памятников в Карелии. В XXI веке появилось большое количество работ, авторы которых рассматривают создание новых мемориалов как часть государственной монументальной политики. Например, А.В. Антощенко выделяет три этапа монументальной меморизации событий Второй мировой войны в Карелии [Антощенко]. Отдельного рассмотрения заслуживают статья В.В. Волоховой и Е.Ю. Цумаровой, изучающих не только историю создания отдельных памятников и монументов, но и складывающиеся вокруг них исторические нарративы [Цумарова, Волохова]. Продолжая эту тему, нельзя не отметить исследования И.С. Штыковой, которая уделяет большое внимание раннему этапу увековечивания памяти героев войны 1941–1945 гг. в Карелии [Штыкова]. Следует подчеркнуть, что Ирина Сергеевна в своей работе описывает лишь историю создания триумфальной арки, возведённой в 1944 г. неподалёку от пос. Кестеньга, и не задаётся целью детального изучения мемориального пространства Лоухского района в послевоенный период.

Таким образом, современные авторы признают важность анализа политики памяти на региональном уровне, однако в Карелии пока изучены коммеморативные практики на уровне Петрозаводска, мемориальное пространство Лоухского района не стало предметом специального исследования. В контексте изучения политики памяти в Карелии история

Лоухского района интересна тем, что именно здесь был установлен первый в республике мемориал, посвященный героям Великой Отечественной войны.

При написании данного исследования был использован акторный подход к анализу политики памяти, в основе которого лежит изучение основных направлений деятельности мнемонических акторов в пространстве памяти и анализ исторических нарративов.

Целью исследования стал анализ стратегии коммеморации Великой Отечественной войны в Лоухском районе. В связи с этим были определены направления формирования мемориального пространства района, проанализированы складывающиеся исторические нарративы, выявлены основные мнемонические акторы и особенности их деятельности в рамках увековечения памяти о Великой Отечественной войне. При этом необходимо уточнить, что в статье рассматривается территория Лоухского района в его современных границах, окончательно сложившихся в 1955 году, когда территория Кестеньгского района вошла в состав Лоухского¹.

Источниковой базой по теме исследования стали документы из фондов Национального архива Республики Карелия. Это распорядительные, протокольные, отчетные и учетные документы республиканских и районных органов власти. Также в работе были использованы материалы центрального печатного органа Карело-Финской ССР – газеты «Ленинское знамя». Обе группы источников репрезентуют лишь взгляд органов власти на проблемы сохранения памяти о войне. Однако, учитывая тот факт, что именно государство являлось ключевым актором политики памяти в ССР, эти материалы позволяют раскрыть особенности начального этапа увековечения памяти героев Великой Отечественной войны, хотя, к сожалению, не позволяют в полной мере реконструировать отношение рядовых граждан к действиям властей.

Память о Великой Отечественной войне начала формироваться в тот момент, когда война ещё не закончилась. В 1942 г. Наркомпросом РСФСР было издано методическое письмо «О сборе, учете и обработке материалов о памятниках и памятных исторических мест Великой Отечественной войны», в котором подчеркивалась необходимость выявления и сохранения, а также «популяризации» среди населения памятников, связанных с военной историей². В это время определялись основные механизмы, инструменты и ключевые нарративы политики памяти. Начиная с 1942 года на всех освобожденных от врага территориях велась активная работа по выявлению памятников и памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Центральная власть задавала общую рамку развития политики памяти, сделав акцент на сохранении памяти погибших и прославлении их подвигов.

В октябре 1944 г., сразу после освобождения Карело-Финской ССР от захватчиков, в Петрозаводске была образована Республиканская комиссия по созданию и охране памятников Отечественной войны, которую возглавил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета КФСР М.В. Горбачев. Следуя примеру Республиканской комиссии, на местах стали создаваться районные и городские организации по увековечиванию памяти героев Великой Отечественной войны³. В Кестеньгском районе комиссия по созданию и охране памятников была учреждена 16 декабря⁴, а в Лоухском – 28 декабря⁵. Главная задача Республиканской комиссии заключалась в «организации работ по созданию памятников Отечественной войны и оформлению братских могил»⁶. В частности, было принято решение о создании памятников погибшим воинам в Петрозаводске, Медвежьегорске и Кестеньге⁷. Места сооружения выбирались неслучайно: они имели особое значение для Карельского фронта. Петрозаводск – столица КФСР, Медвежьегорск – крупный транспортный узел, Кестеньга – район жестоких боев в 1941–1942 гг. и на

заключительном этапе освобождения Советской Карелии от захватчиков. Но воплотить в жизнь удалось лишь последний проект. Кроме создания проектов памятников героям войны, Республиканская комиссия также обязывала районные и городские организации проводить постоянный «учет братских могил и мест, в которых похоронены бойцы и командиры Красной Армии»⁸.

Одним из значимых мероприятий Республиканской комиссии по созданию и охране памятников Отечественной войны стало открытие первого памятника павшим героям войны в Карелии. Торжественная церемония открытия нового монумента состоялась 20 декабря 1944 г. на 44-м километре тракта Лоухи-Кестеньга. Именно на этом рубеже в 1941 г. были остановлены и не допущены к Кировской железной дороге, которая связывала незамерзающий порт на Баренцевом море – Мурманск со всей страной, значительные силы неприятеля. Памятник строился в зимнее время силами солдат и офицеров воинской части, которая непосредственно принимала участие в боях на Кестеньгском направлении. Он был представлен в виде «железобетонной арки, перекрывающей шоссе и покоящейся на двух бутобетонных колоннах»⁹. Полная высота памятника составляла 11,5 м, а ширина – 28,5 м. На торжественном открытии триумфальной арки присутствовали как офицеры Красной Армии, НКВД и НКГБ¹⁰, так и местные жители, которые обещали охранять памятник и не забывать героев, отстоявших Советскую Карелию¹¹.

Рис. 1. Триумфальная арка на 44-м километре тракта Лоухи-Кестеньга. Конец 1940-х гг.

Фото Г.З. Санько¹²

«Конкурсное проектирование, связанное с мемориальной темой» [Малинина: 186], имело важное значение в поиске новых художественных образов. Однако конкурса, на котором бы выбрали проект монумента, воздвигнутого в районе поселка Кестеньга, не было. Сооружение не отличалось оригинальностью художественного решения, к тому же в строительстве были использованы дешевые и доступные материалы, такие как камень, бетон, что позволило возвести памятник в короткие сроки. В оформлении памятника использовались четыре пятидесятимиллиметровые пушки, установленные с каждой стороны, и несколько пулеметов. Символично, что все стволы орудий были обращены на запад, в сторону врага. На фасаде триумфальной арки имелась надпись «Отечественная война», а на колоннах – «1941» и «1944». По замыслу авторов, памятник должен был отобразить

«стойкость и неприступность обороны Советской Карелии»¹³. Сооружение «данного монумента имело глубокий мобилизационный подтекст» [Штыкова: 90]. Война не закончилась, а потому солдаты и офицеры Красной Армии продолжали на других фронтах «добывать врага и строить в сражениях великий обелиск победы – нашей окончательной победы над заклятым врагом»¹⁴.

В конце 1950-х гг. арка была снесена из-за аварийного состояния и небольшой высоты, мешавшей проезду большегрузных машин. Тем не менее значение арки на 44-м километре дороги Лоухи – Кестеньга сложно переоценить для истории Лоухского района, так как это был первый памятник, посвященный войне. В 1970-е гг. на этом же месте был сооружен новый мемориал «Рубеж обороны», в последующем ставший местом проведения официальных праздников и церемоний.

Рис. 2. Мемориальный комплекс в честь советских воинов, остановивших в 1941 г. наступление врага на Лоухи на 44-м километре тракта Лоухи-Кестеньга. Начало 1950-х гг.¹⁵

Активизация деятельности Республиканской комиссии по созданию и охране памятников Отечественной войны произошла сразу после победы над Германией. 11 мая 1945 г. Военным отделом ЦК КП(б) КФССР был утверждён план мероприятий «по установлению мест, восстановлению, строительству и благоустройству братских могил бойцов и офицеров Красной Армии»¹⁶. В частности, на районные органы управления возлагалась обязанность участвовать в строительстве и в ремонте надгробий на братских могилах, а также в выявлении новых захоронений. Отдельным пунктом в плане мероприятий значилась задача по переносу отдаленных захоронений на территории населенных пунктов «с целью постоянного массового обозрения и увековечивания памяти героев», так как значительная часть братских могил располагалась в удалении от населенных мест и за ними было сложно организовать постоянный уход¹⁷. Также ЦК КП(б) КФССР обязывал взять под личный контроль секретарей райкомов выполнение и благоустройство братских могил¹⁸.

На 15 июля 1946 г. по Лоухскому и Кестеньгскому районам было взято на учет около 20 захоронений¹⁹. При этом подчеркивалась крайне низкая активность местной администрации, а порой и полное отсутствие мероприятий по благоустройству братских могил²⁰. «Ленинское знамя» от 9 июля 1946 г. констатировало неутешительную картину: «могилы обвалились, поросли бурьяном, надписи на дощечках стерлись, ограды покосились»²¹. По-видимому, к концу 1946 г. работа Республиканской комиссии была прекращена, её функции были переложены на местные органы власти. К этому моменту главная задача – приведение в порядок братских могил – решена не была. В докладной записке Кестеньгского райсовета в Военный отдел ЦК КП(б) КФССР на 1 августа 1946 г.

говорилось о том, что из 14 кладбищ и 6 могил на территории Кестеньгского района 8 захоронений поросли травой, 11 не имели оград, 2 могилы обрушились и ещё две требовали срочного ремонта ограды²². Такое положение дел характерно было не только для Кестеньги, но и для других районов КФССР. Причины подобной ситуации, по-видимому, необходимо искать в ограниченности материальных и людских ресурсов районных властей на только что освобожденной от врага территории. Районные администрации были заняты решением непростых задач восстановления края, поэтому их приходилось постоянно делегировать общественным организациям, школьникам и комсомольцам обязанность увековечивания памяти погибших на войне. Привлечение школьников и комсомольцев к участию в благоустройстве братских и одиночных могил было не только актом уважения павшим героям, но и способом патриотического воспитания подрастающего поколения. Школьники не только приводили в порядок братские могилы, но и связывались с родственниками погибших и отправляли им снимки захоронений, в которых покоились их близкие²³. К тому же большая часть территории оставалась ещё заминированной, что препятствовало выявлению новых захоронений.

Рис. 3. Воины, отличившиеся в боях в районе Кестеньги. Май 1942 г. Фото: С.М. Раскин²⁴

Важную роль в увековечивании памяти героев Великой Отечественной войны в 1944-1945 гг. сыграли сослуживцы погибших. Именно на них ложилась задача погребения тел боевых товарищей сразу после боя. Бойцы были тесно связаны с погибшими узлами боевого братства и стремились всеми доступными средствами сохранить память о погибших товарищах. Так, например, на надгробии одной из могил был укреплен «автомобильный руль – покойный был бесстрашным шофером и погиб от вражеского снаряда, подвозя боеприпасы к линии фронта»²⁵. С одной стороны, это являлось актом уважения и сохранения памяти о товарище, а с другой стороны, сослуживцы погибших таким образом маркировали пространство, так как существовала проблема передачи захоронений на попечение местных жителей. Большая часть могил находилась в удалении от населенных пунктов, а когда боевые подразделения покидали освобожденную территорию, то местные жители просто-напросто могли не знать об их существовании.

В заключение следует отметить, что центральным элементом государственного нарратива о Великой Отечественной войне стал рассказ о героизме и мужестве солдат и офицеров Красной Армии. Этот нарратив лег в основу политики памяти на всех уровнях власти, и в результате главными элементами инфраструктуры памяти стали братские могилы и индивидуальные захоронения павших воинов. В процессе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне приняло участие сразу несколько групп мнемонических акторов. Ключевую роль здесь играли центральная власть, которая задавала общие рамки развития политики памяти, и местные органы управления, реализующие директивные модели на местах. Ожидания однополчан совпали с установками, которые задавало государство, и поэтому они сразу включились в работу по увековечиванию памяти боевых товарищей. Но кроме того, мы видим и других мнемонических акторов, таких, как школьники, которые включались в работу по инициативе центральной и республиканской властей. Это был процесс, характерный для всей страны в целом, и Лоухский район является лишь иллюстрацией того, как политика памяти, задаваемая государством, действовала на местах. Также следует подчеркнуть, что реализация мероприятий в рамках политики памяти наталкивалась на серьезные трудности, связанные с ограниченностью материальных и людских ресурсов у местной администрации в первые годы после Победы. Это объясняет, почему в послевоенные годы на территории Лоухского района был создан лишь один мемориал, не выдержавший испытания временем. В полной мере выполнение поставленных задач начнется уже на втором этапе монументального увековечивания памяти павших героев в годы Великой Отечественной войны. К началу 1960-х гг. в мемориальном ландшафте Лоухского района четко выделилось сразу несколько крупных братских захоронений, сформировавшихся еще в годы войны: на 13-м километре автодороги Лоухи-Кестеньга, на 36-м километре автодороги Лоухи – Кестеньга (современный пос. Сосновый) и в поселке Кестеньга. В последующем эти захоронения стали местом проведения официальных торжеств и церемоний.

Примечания

¹ Карельский государственный архив новейшей истории: Путеводитель / отв. сост. Т.Н. Петрова; науч. ред. Н.Я. Копьев. Москва: Звенья, 2003. С. 324.

² Методическое письмо Народного комиссариата просвещения РСФСР от 1942 г. «О сборе, учете и обработке материалов о памятниках и памятных исторических местах Великой Отечественной войны». С. 3-5.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1.

⁴ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 21.

⁵ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 22.

⁶ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 3.

⁷ Там же.

⁸ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 4.

⁹ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 31-32.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кежун Б. На дороге из Лоух в Кестеньгу // Ленинское знамя. 1945. № 8. С. 1.

¹² Национальный музей Республики Карелия. КГМ-68040; Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. № 28470714. URL:<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28641651> (дата обращения: 19.04.2024).

¹³ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 31.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 28.

¹⁵ НА РК. 0-21155.

¹⁶ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 150/1796. Л. 3-4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 150/1796. Л. 1.

¹⁹ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 159/1904. Л. 58.

²⁰ Там же; НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 46/339. Л. 13, 41.

²¹ Бережно сохранять могилы героев // Ленинское знамя. 1946. № 136.

²² НА РК. Ф. П-36. Оп. 7. Д. 44. Л. 10-11, 11 об.

²³ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 150/1796. Л. 11, 24; НА РК. Ф. П-1229. Оп. 3. Д. 59/1069. Л. 2.

²⁴ Национальный музей Республики Карелия. КГМ-60544; Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. № 25177078. URL:<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25324503> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁵ Бережно сохранять могилы героев // Ленинское знамя. 1946. № 136.

Список литературы

Андреев Д.А. Пространство памяти: Великая Победа и власть / Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов // АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. Выпуск 19. Москва: АИРО, 2005. 56 с.

Антощенко А.В. Монументальная меморизация событий Второй мировой войны в Карелии // Технологос. 2019. № 8. С. 61-72.

Еремеева А.Н. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы: монография / А.Н. Еремеева, В.В. Бондарь, О.Н. Маркова, Т.Ю. Юренева. Москва: Институт Наследия, 2022. 168 с.

Конрадова Н.А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Н.А. Конрадова, А.Н. Рылеева // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. С. 241-261.

Кораблев Н.А. Великая Отечественная война в Карелии: памятники и памятные места / Н.А. Кораблев, В.Г. Макуров. Петрозаводск: Кирья, 2015. 334 с.

Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285-312.

Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. С. 26-39.

Малинова О.Ю. Репертуар актуального исторического прошлого в региональных политиках памяти: общее и особенное / О.Ю. Малинова, А.И. Миллер // Политика памяти в России – региональное измерение: коллективная монография. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 444-467.

Малинина Т.Г. Тема памяти в архитектурном проектировании и художественной критике военных лет // Память и время: из художественного архива Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: [материалы, документы, статьи, комментарии документов]. Москва: Галарт, 2011. С. 186-205.

Цумарова Е.Ю. Коммеморация Великой Отечественной войны в Карелии: в поисках места в «большой» истории // Е.Ю. Цумарова, В.В. Волохова // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 1. С. 5-13.

Штыкова И.С. По следам неостывшей памяти: проекты военных мемориалов в Карелии во второй половине 1940-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3(164). С. 86-91.

Anatoly A. MARTYNOV

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
tole.martynov@gmail.com

MEMORIALIZATION OF THE HEROES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LOUKHSKY DISTRICT DURING THE POSTWAR PERIOD

Scientific adviser:

Valentina V. Volokhova

Reviewer:

Ivan V. Savitskii

Paper submitted on: 05/27/2024;

Accepted on: 06/28/2024;

Published online on: 06/30/2024.

Abstract. The article examines the initial stage of the Great Patriotic War memory formation, focusing on the history of monuments in the Loukhsky District. This period played a crucial role in shaping the key tools, mechanisms, and narratives of memory policy for the following decades. Drawing on archival documents and periodical press materials, this study highlights the significant role of the state in preserving the memory of the war. During the final stage of the war and the first postwar years, the main attention was paid to the heroic acts of resistance against the enemy, with burial sites of fallen soldiers taking center stage in commemorative practices.

Keywords: Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, Kestenga, memorial complex, mass graves, mnemonic actors, politics of memory

For citation: Martynov, A. A. Memorialization of the Heroes of the Great Patriotic War in the Loukhsky District During the Postwar Period. *StudArctic Forum*. 2024, 9 (2): 62–71.

References

Andreev D.A., Bordyugov G.A. Memory space: The Great Victory and power. *AIRO – scientific reports and discussions. Topics for the 21st century*, Moscow, 2005, Issue 19, 56 p. (In Russ.)

Antoshchenko A.V. Monumental memorization of the World War II in Karelia. *Technologos*, 2019, No. 3, pp. 61-72. (In Russ.)

Eremeeva A.N., et al. State monumental policy: experience, contradictions, perspectives: monograph. Moscow, Russian Heritage Institute, 2022, 168 p. (In Russ.)

Konradova N.A., Ryleeva A.N. Heroes and victims. Memorials of the Great Patriotic War. *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*, Moscow, New Literary Observer, 2005, pp. 241-261. (In Russ.)

Korablev N.A., Makurov V.G. *The Great Patriotic War in Karelia: monuments and memorable places* Petrozavodsk, Kirya, 2015, 334 p. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Politics of memory as a branch of symbolic politics. *METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines*, 2019, No. 9, pp. 285-312. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Memory regime as a tool of analysis: problems of conceptualization. In Miller A.I., Efremenko D.V., eds. *The politics of memory in modern Russia and Eastern Europe: actors, institutions, narratives*: collective monograph. St. Petersburg, European University at St. Petersburg, 2020, pp. 26-39. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Repertoire of the current historical past in regional policies of memory: general and special. In Malinova O.Yu., Miller A.I., eds. *Politics of memory in Russia – regional dimension: collective monograph*. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 444-467. (In Russ.)

Malinina T.G. The theme of memory in architectural design and artistic criticism of the war years. *Memory and time: from the art archive of the Great Patriotic War, 1941–1945: [materials, documents,*

articles, comments on documents]. Moscow, Galart, 2011, pp. 186-205. (In Russ.)

Tsumarova E.Yu., Volokhova V.V. Commemoration of the Great Patriotic War in Karelia: searching for a place in the «great» history. *Perm University Herald. Political Science*, 2022, No. 1, pp. 5-13. (In Russ.)

Shtykova I.S. The first steps in memorial landscape development: projects of war memorials in Karelia in the second half of the 1940s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2017, No. 3(164), pp. 86-91. (In Russ.)